

Цыпылма Дариева

GRANT, BRUCE, AND LALE YALÇIN-HECKMANN, EDS. *CAUCASUS PARADIGMS: ANTHROPOLOGIES, HISTORIES AND THE MAKING OF A WORLD AREA*. HALLE STUDIES IN THE ANTHROPOLOGY OF EURASIA, 13. MÜNSTER: LIT VERLAG, 2007. 309 P. ISBN 978-3-8258-9906-6.

Цыпылма Дариева. Адрес для переписки: 1-1-1, Tennodai, Tsukuba-city, Ibaraki-prefecture, Japan, 305-8571B 615, Institute of Humanities and Social Sciences, University of Tsukuba, Japan. tsypylma.darieva@inbox.ru. На момент подготовки номера являлась научным сотрудником и преподавателем в Институте европейской этнологии, Университет им. Гумбольдта, Берлин.

В постсоветский период в контексте окончания холодной войны и новой геополитической ситуации заметно оживилось социально-политическое изучение стран Южного Кавказа и Средней Азии. Нужно отметить, что Средняя Азия — более детально изученный регион, чем Кавказ, который до сих пор представляет собой «загадочную вершину» научного ландшафта. Между тем уже столетиями Кавказ ассоциируется с такими четкими культурными маркерами и политическими клише, как вооруженный конфликт, насилие и народное сопротивление. Анализируя современные научные политики в кавказских исследованиях, редакторы сборника Брюс Грант (New York University) и Ляле Ялчин-Гекманн (Max Planck Institute for Social Anthropology, Halle) поставили перед собой сложную задачу выяснить, как все-таки ученые проблематизируют этот регион и какие культурные парадигмы возникли вокруг мифического Кавказа? Интересно, что за решение этой нелегкой задачи мужественно взялись этнологи. Тринадцать статей, вошедших в сборник, отражают результаты междисциплинарной дискуссии участников конференции, которая была организована в апреле 2005 года немецким институтом этнологических исследований им. Макса Планка (www.eth.mpg.de).

Кавказ, географически расположенный на стыке Европы и Азии, а политически — на границах конкурирующих государств и империй, с его богатой культурной мозаикой не всегда поддается четкому определению. Скорее всего, этот регион следует рассматривать как типичное промежуточное и пограничное пространство (*inbetween area*), которое всегда являлось местом столкновения интересов империй (с. 6). Что касается научных дисциплинарных подразделений, то и здесь Кавказ является пограничной зоной, объединяя и разъединяя Европу и Азию, а именно — славистику и исследования стран Ближнего Востока. Обе дисциплины рассматривают данный регион как часть своих исконных «владений»: одни из-за продолжительного и устойчивого влияния Российской империи и ее социального порядка на культуру, экономику и политику Кавказа, включая проблему тоталитарного и социалистического прошлого, другие — в связи с наличием значительной доли мусульманского

населения и не менее существенным влиянием на Кавказ переднеазиатских и ближневосточных культур.

На самом деле, как отмечает в послесловии профессор С.А. Арутюнов (Москва, Институт этнологии и антропологии РАН), несмотря на существование «собственной» истории изучения культуры, Кавказ остается на периферии международного научного интереса. Таким образом, цель настоящего сборника — попытка обрисовать и одновременно деконструировать существующие «культурные парадигмы», которые возникли как результат продолжительного взаимодействия локальных и глобальных факторов, политической и культурной изоляции. При этом главной в концепции сборника является идея «пересечения границ» — географических, культурных и дисциплинарных. Она и предлагается редакторами как новый подход в изучении Кавказа.

Кавказские парадигмы сгруппированы в сборнике вокруг трех основных линий, соответствующих разделам сборника: археология знания (*archeology of knowledge*), перестройка региона (*the remaking of a world area*), мобильность и границы (*mobilities and borders*). Первая линия очерчивает знаковые элементы репрезентации Кавказа, иначе говоря — историко-культурный бренд: поэтика величественных гор, загадочная фигура узника-пленника, мужская культура насилия и локальный суверенитет. Почти все работы в первой части (Брюс Грант, Георгий Дерлугян, Пауль Маннинг), а также статью Левона Абрамяна из второй части объединяет следующее: опираясь на принципы конструирования идентичности, методы «археологии знаний» и работы таких классиков, как Бурдые, Брубакер, Салинс и Стразерн, авторы справедливо замечают, что эти знаковые элементы являются результатом колониальной политики царской администрации и советских форм социального устройства. Романтизм гор в Грузии рассматривается Паулем Маннингом как источник этнической самопрезентации в духе фольклоризированной советской этнографии, а фигура пленника и одинокого воина-аманата на Кавказе представляется как ответ локальных сообществ на модернизацию жизни и стратегия поддержания мирных взаимоотношений с равнинными соседями (Грант).

Особенность второй линии сборника заключается в предоставлении читателям анализа того этнографического и архивного материала, который активно используется в процессе реконструирования локальных историй местными учеными. Выявляя «инструменталистский характер» изучения различных версий того или иного «этногенеза» и исторического прошлого, критически анализируется роль исторической науки и учебников истории в эскалации конфликтных ситуаций (Гаджиев, Гулд) и немалый вклад ученых-этнографов в политические проекты создания более выгодных репрезентаций этнических групп (Мустафаев). Эти статьи перекликаются с теорией этноцентризма российского этнографа Виктора Шнирельмана (2003), работы которого в последнее время живо обсуждаются.

Интересную часть сборника составляет третий раздел, который посвящен антропологическим исследованиям транснациональных практик, связанных с пересечением границ и сближением Кавказа с остальным миром. Эта часть сфокусирована на таких темах, как рабочая миграция, диаспоральные культуры и транс-

национализация экономических рынков. Так, Сетеней Шами рассматривает предысторию глобализации Кавказа на примере истории культурных связей между Кавказом и Турцией (бывшей Османской империей) путем анализа женских биографий черкешенок в турецкой диаспоре. Лале Ялчин-Хекманн рассматривает опыт пересечения закавказских государственных границ путем поддержания неформального экономического обмена в повседневной жизни Азербайджана.

Основной массив информации представлен детальными этнографическими описаниями, авторы которых тонко анализируют динамику культурных стереотипов и политик идентичности. Стремясь описать и понять постсоциалистические общества и культуры на Кавказе, они открывают пространство для новых дискуссий, выходящих за рамки устойчивых (пост)советских идеологем, где этнос совпадает с территориальными границами. Новое в этом подходе состоит в том, что его сторонники не руководствуются парадигмой «закрытого общества» и замкнутости Кавказа как региона или определенного народа (с. 292). Парадигма неоднородности и культурного многообразия на небольшой по размерам территории не имеет ничего общего с представлением о том, что эти параметры являются источником конфликта и насилия на Кавказе.

Необходимо отметить, что разнообразие уникальных историй, репрезентаций культуры кавказского региона, представленных в сборнике, сочетается с недостатком общей теории. Что касается источников историко-культурного анализа, то недостаток архивного материала чувствуется в статье Брюса Гранта, где автор опирается в основном на литературу на русском языке. Тем не менее в целом издание помогает понять, какие социальные теории применимы в изучении региона (например, постколониализм), а какие нужно адаптировать. И наконец, сборник демонстрирует, что «неизвестный» Кавказ может рассматриваться как лаборатория науки, где антропологи, социологи и историки, принадлежащие к различным культурным и научным традициям, могут исследовать различные формы транснациональных и локальных культур. Сборник вдохновляет на изучение регионального пространства, выходя за пределы известных приемов ориентализации, «балканизации», экзотизации и создания нового узкого «Кавказианства».

БИБЛИОГРАФИЯ

Шнирельман, В.А. 2003. *Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье*. М.: Академкнига.